

ЮРИЙ ПАВЛОВ

ЖЁЛТЫЙ СБОРНИК НА РУССКУЮ ТЕМУ

Во второй половине 80-х годов XX века началась очередная – теперь либеральная – кампания по дискредитации классиков русской литературы. Кампания, которая в XXI веке набрала ещё бóльшую силу. Книга Вячеслава Пьецуха “Русская тема”, вышедшая 10-тысячным тиражом, огромным по нынешнему времени, – типичный образчик продукции такого рода.

В аннотации к книге говорится, что в ней собраны “очень личностные и зачастую эпатажные эссе”. За этими словами, по сути, не стоит ничего: жанр Пьецуха не раскрывает сути главной проблемы, с которой сталкивается читатель. А она заключается в том, насколько авторская версия литературной биографии героев книги соответствует реальным фактам жизни и творчества русских классиков. И с этим – добросовестным, объективным, профессиональным отношением к фактам – у Вячеслава Пьецуха большие проблемы. Особенно явные там, где он говорит о нелюбимых им писателях.

Эссе “О гении и злодействе” буквально фонтанирует неприязнью к Ф. М. Достоевскому, что для единомышленников Пьецуха – давняя традиция. Особость позиции автора “Русской темы” проявляется иначе: он приписывает отношение ненавистников великого писателя всем его современникам. Эссе начинается утверждением, которое станет ключевым, лейтмотивным:

“Достоевского не любили. Его не любили женщины, каторжники, западники, студенты, III Отделение, демократы, аристократы, славянофилы, наборщики, домовладельцы, издатели и писатели”.

В этом суждении Пьецуха вызывает возражение и само деление на группы, границы между которыми условны, подвижны либо вообще отсутствуют (как в случае с западниками и демократами), и единодушие внутри каждой группы, и то, как определяется всеобщее отношение к Достоевскому. Говорить о всех группах “нелюбителей” писателя нет места и смысла, приведу несколько примеров, свидетельствующих об ином – о любви к Достоевскому.

Лев Толстой, как известно, не жаловал многих своих предшественников и современников. К Федору же Михайловичу он испытывал любовь, в чём признается в письме к Николаю Страхову. Подтверждением искренней приязни стала и реакция Льва Николаевича на смерть Достоевского: “. . . И вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек”; “Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне дорог, и я плакал и теперь плачу”.

Каторжане не любили Достоевского до тех пор, пока он не видел в них людей, когда же писатель стал смотреть на собратьев по несчастью “марейскими” глазами, научился находить человека в человеке, неприязнь к нему исчезла.

Об отношении читателей к Достоевскому говорят тиражи тех журналов, которые он редактировал и где был основным автором. В первый год издания “Времени” подписчиков было 2300; а уже в следующем году их стало 4302 человека. Ситуация повторилась через десять лет в “Гражданине”. В 1871 году тираж умирающего журнала с “плохой” репутацией с приходом Достоевского сразу увеличился в два раза.

О любви к писателю людей разного происхождения, положения, мировоззрения свидетельствует их реакция на его смерть. Достоевского провожали в последний путь великие князья, кабинет министров во главе с Лорис-Меликовым, Владимир Соловьёв, Константин Победоносцев, Николай Страхов и многие другие известные и неизвестные люди России. Более 10 тысяч человек заполнили Кузнецкий переулок и Владимирскую площадь, одних венков было шестьдесят семь, пятнадцать певчих хоров... По свидетельству Н. Страхова, “похороны Достоевского представляли явление, которое всех поразило. Такого огромного стечения народа, таких многочисленных и усердных заявлений уважения и сожаления не могли ожидать самые горячие поклонники покойного писателя. Можно смело сказать, что до того времени никогда ещё не бывало на Руси таких похорон”.

И в других главах “Русской темы”, в первую очередь таких, как “Товарищ Пушкин”, “Нос”, “Тяжёлые люди, или Провидение и поэт”, “Одна, но пламенная страсть”, “Последний гений”, Пьецух стремится принизить, ополщить, осмеять всё то высокое в жизни и литературе, которое собственно и делает человека личностью духовной, а литературу – национальной, русской. Главная цель автора книги – представить жизнь-трагедию как жизнь-анекдот, христовцентричную отечественную словесность как порождение “тяжелых людей”, “злодеев”, писателей, по-разному ущербных, отпавших от Бога. Например, в эссе о Сергее Есенине “Одна, но пламенная страсть” утверждается, что главной страстью поэта была не его любовь к России, а страсть к самоубийству, самоуничтожению, якобы присущая русским.

В отличие от многих и многих, “правых” и “левых”, Вячеслав Пьецух версию об убийстве Сергея Есенина обходит стороной, даже не упоминая о ней. Обходит по понятным причинам. С Э. Хлысталовым, Ф. Мороховым, С. Куняевым, Е. Черносвитовым и другими исследователями, убедительно доказывающими факт убийства поэта, Пьецух спорить не решается. Версия же о самоубийстве органично вписывается в миф о страсти к самоуничтожению.

Произведения Есенина Пьецухом не анализируются, что характерно для всей книги “Русская тема”. Не анализируются, уверен, потому, что сие занятие явно не по силам Вячеславу Алексеевичу. К тому же, видимо, он понимает, что к текстам Есенина ему лучше не прикасаться... Они сами по себе – опровержение сверхнесправедливых, убогих, мертворожденных оценок Пьецуха. Цитировать их мерзко, но приходится: “...Он постоянно сбивался с истинного пути. Отсюда все эти пьяные клёны и тополя, буйные головушки, бесконечные синтаксические ошибки, невозможные конструкции, вроде “И мечтаю только лишь о том”, сусальности и прочие “спинжаки”; “...Он наиболее живо отразил нашу национальную склонность к самоуничтожению, улестил русака разнужданностью и надрывом своей поэтики”.

Когда же Пьецух “развенчивает” Есенина на материале фактов его биографии, то наглядно демонстрирует свои “знания”, свою редкую “учённость”. Особенно меня удивляет следующее утверждение: “Частенько ночевал по милицейским пикетам, но без последствий, поскольку Каменев приказал уголовных дел на Есенина ни под каким видом не заводить”.

Про пикет – это, конечно, сильно сказано, словно бы иностранцем... Спишем сей казус на особую возбуждённость Пьецуха, вызванную “спинжаками” и “бесконечными синтаксическими ошибками”. Зададим риторический вопрос: суд над поэтом и многочисленные уголовные дела, заведённые на него, – это не “последствия”? Знает об этих фактах Пьецух или нет, сказать затрудняюсь, хотя знать обязан. По свидетельству Сергея Куняева, на сегодняшний день удалось обнаружить 8 уголовных дел (три оригинала и пять копий), заведённых в период с 1920-го по 1925 годы. Эдуард Хлысталов выдвигает иную версию в своей книге с говорящим названием “13 уголовных дел Сергея Есенина” (М., 2006).

И ещё... Во-первых, Есенин был женат трижды, а не пять раз, как утверждает Пьецух. Во-вторых, в предложении “он как-то пробился на приём

к императрице Александре Фёдоровне” – туман, загадочность, неточность неуместны, ибо уже, как минимум, сорок лет назад этот эпизод из жизни Есенина был прояснён В. Вдовиним и П. Юшиным. И наконец, если последнее стихотворение поэта “До свиданья, друг мой, до свиданья...”, написанное кровью, есть, по Пьецуху, проявление “дурного вкуса”, то впору ставить вопрос о нравственной вменяемости эстета-оценщика...

В начале каждой главы Пьецух транслирует идею, которая далее развивается, обыгрывается на все лады. Чаще всего эта идея вынесена в заглавие, как, например, в эссе “Колобок” о Михаиле Пришвине. Сказочный персонаж – это, по Пьецуху, образ, выражающий сущность писателя, который “всех улестил, всех обманул, избежал кары за абстрактный гуманизм, оставил по себе (так у Пьецуха. – Ю. П.) чудесную прозу, которая вроде бы никак не могла появиться в царстве большевиков”.

Показательно, что данное утверждение подаётся как аксиома: отсутствует не только анализ произведений Пришвина советского периода, но даже их упоминание; не цитируется, не комментируется и “главная книга” писателя – его уникальные дневники... “Повезло” только сборнику “За волшебным колобком”, на материале которого Пьецух стряпает свой анекдот о Пришвине. Однако и в данном случае название книги утаивается от читателя. Утаивается потому, что вслед за названием автоматически должен всплыть год публикации – 1908, и тогда возникнут неудобные вопросы, ответы на которые в “Русской теме” отсутствуют.

И вообще – чем в очередной раз повторять мерзости в адрес России и русских, доставляющие вам, Вячеслав Алексеевич, явное наслаждение, потрудились бы лучше подтвердить свою “колобковую” версию конкретными фактами жизни и творчества Михаила Пришвина. И, пожалуйста, не забудьте о “Журавлиной родине”, “Осударевой дороге”, “Корабельной чаше”, дневнике... Вы, конечно, можете делать вид, что не существует этих просоветских и однозначно советских книг, не существует многочисленных записей Пришвина разных лет подобной направленности. Вот только некоторые высказывания писателя, “съедающие” вашего “колобка”, Вячеслав Алексеевич: “Большевики оказались правыми. Власть надо было брать, иначе все вернулось бы к старому”; “В новой вещи своей я хочу дать путь к коммунизму, не тот, каким дают его доктринёры, а каким я иду к нему, моя работа “коммунистическая по содержанию и моя собственная по форме”, и такая моя, чтобы умный человек справа не подозревал меня в подхалимстве”; “Я – коммунист, и как все мы: солдат красной армии, выступающий на бой за мир”; “Слова Белинского сами по себе ещё ничего не значат и нужен к этому плюс: коммунизм. Значит, Белинский предчувствовал слово, но не знал его, а Ленин это слово сказал для всего мира: это слово – коммунизм”.

Я, конечно, не свожу всё разнонаправленное, противоречивое мировоззрение и творчество Михаила Пришвина к идеологически окрашенным произведениям и высказываниям, а лишь настаиваю на том, что игнорировать их глупо, бесчестно, непрофессионально...

В тех же случаях, когда Пьецух снисходит до передачи реалий биографии Пришвина и других героев своей книги, то оперирует преимущественно общеизвестными – на уровне школы – фактами, сдабривая их приправами собственного изготовления. Например, в главе о Пришвине сообщается: “Из 3-го класса елецкой гимназии его исключили как грубияна по доносу учителя географии Василия Васильевича Розанова, будущего мыслителя, известного на всю Русь, который, в частности, очень гордился тем, что женат на любовнице Достоевского”.

Следует уточнить: Пришвина исключили не из 3-го, а из 4-го класса. А то, что Пьецух мягко называет грубиянством, было угрозой Розанову лишить его жизни, о чем Василий Васильевич и сообщил директору гимназии. Днонос же – это другое, господин писатель. К тому же, зачем сообщать об Аполлинари Суловой в елецкий период жизни Розанова, если он расстался с ней ещё в Брянске? Более того, узнав, что Сулова хочет вернуться, Розанов, по сути, бежал от нее в Елец.

Одна из самых показательных глав книги “Русская тема” – “Товарищ Пушкин”. Панибратское отношение к русской классике проявляется в данном случае и в названии, и в характерных ёрнических интонациях, и в специфической лексике, и в авторском видении судьбы Пушкина. Судите сами:

“... Почему именно он велик, — нипочем не растолкуешь, ум расступается, как говорили в старину, знаешь только про себя, что Пушкин велик, и ша.

А почему действительно он велик? Ну, сочинил человек триста четырнадцать стихотворений <...>

Ну, сказки складывал на манер народных, только русского человека сказкой не удивишь. Ну, написал остросюжетную повесть “Пиковая дама” и приключенческий роман “Капитанская дочка”, но в чем их всемирно-историческое значение — не понять”.

Первая реакция, которая возникает после прочтения таких “открытий”, — это желание оспорить конкретные оценки, не говоря уже о “мелочах”: жанре “Капитанской дочки”, высказываниях типа “и рифмой пользовался удручающей, вроде “ободрял — размышлял” и т. д. Но невольно одёргиваешь себя: быть может, это игра (любят наши “левые” всякие игры, шутки, балаган), и приведённые строки — голос “тёмного” народа... Тогда почему в других суждениях о Пушкине и литературе вообще, где голос автора звучит серьёзно, без примеси “придурковатости”, разницы между условным “убогим” собеседником и “просвещённым” автором не чувствуется? Сие, думаю, происходит потому, что и в маске, и без маски Вячеслав Пьецух демонстрирует исключительно поверхностно-примитивный взгляд на личность и творчество Пушкина. Все его размышления о поэзии и “допоэзии”, художественной прозе, “нерве нашего способа бытия”, русской истории и человеке “гроша ломаного не стоят”, как выражался один литературный персонаж. Разбирать, комментировать суждения В. Пьецуха — это значит принять правила игры “дурака”, претендующего на роль мыслителя, и всерьёз обсуждать его “шедевры”, от которых можно задохнуться без противогаза, да к тому же возникает вполне определённое желание “экстремистского” толка... ”

Видимо, издателям сего труда не жалко ни читателей, ни Пушкина, ни бумаги, видимо, такой уровень разговора о судьбе и творчестве русского гения их устраивает. Приведу самые “безобидные” суждения Пьецуха: “... Пал <...> в результате жестокой склоки, в которой были замешаны женщины, гомосексуалисты и дураки”; “Да только по существу все его повести и рассказы суть раскрышенные картинки, дающие плоскостное изображение, и относятся к жанру изящного анекдота”; “Взять, к примеру, “Сказку о рыбаке и рыбке” — ведь это же исчерпывающая и едкая копия нашей жизни... ”

Непонятно, какую ценность представляют фантазии Пьецуха на тему, что было бы, если бы Пушкин жил в советское время, что сказали бы о нём с трибуны съезда и что поэт подумал бы в ответ... И подобных несуразностей в книге предостаточно, как, например, воображаемая беседа Федора Достоевского с Вячеславом Пьецухом на званом вечере у Корвин-Круковских (“О гении и злодействе”).

В целом же очевидно, что стоит за такими “выпуклениями”, фантазиями, произволом, что движет автором “Русской темы”. Ненависть к России и русским. Невольно вспоминается “Лицо ненависти”, название книги справедливо забытого литератора Виталия Коротича. Именно такое лицо у “Русской темы” В. Пьецуха.

Символично, что эпиграфом её является следующая неточная цитата из Пушкина: “Догадал меня чёрт родиться в России с душою и талантом”. Она явно проецируется Пьецухом на самого себя. Однако пушкинское высказывание и в эпиграфе, и в тексте книги приведено в усечённом виде и без указывающего на это многоточия. К тому же в главе “Товарищ Пушкин” цитате предшествует такая авторская подводка: “... И грустно смотрит на пьяных михайловских парней, которые поют и играют песни. Думает...”

Данная сцена сочинена Пьецухом для того, чтобы в очередной раз (после цитаты, так сказать, с опорой на авторитет Пушкина) врезать по ненавистным русским: “И то верно, добавим от себя, отчасти досадно обретаться среди народа, который даже веселиться не умеет без того, чтобы до краёв не залить глаза”.

Поясню — весь этот сюжет к Пушкину не имеет никакого отношения. Цитата, вынесенная в эпиграф, взята из письма поэта к жене от 18 мая 1836 года, где говорится о предстоящих родах Наталии Николаевны, финансовых вопросах, петербургских и московских новостях, о проблеме Пушкина-журналиста. Именно порядки, царящие в журналистике, вызывают опасения и возмущение Пушкина, почему и появляются следующие слова: “Мордвинов

будет на меня смотреть, как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона: чёрт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!”

Шулерские приёмы Пьецуха в комментариях не нуждаются, но есть смысл напомнить другое. Пушкинские слова, полюболюбившиеся автору “Русской темы” и его единомышленникам, сказаны в сердцах. Они не являются выражением мировоззрения писателя, не прорастают в его разножанровом творчестве. Позиция Пушкина по русскому вопросу выражается в письме к П. Чаадаеву от 19 октября 1836 года: “Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал”.

Бессмысленно, конечно, искать подобное отношение к России в книге Пьецуха. И потому, что его испепеляет ненависть, и потому, что наличие у него души, таланта вызывает боль-ши-е сомнения. Литература для автора “Русской темы” – лишь материал для выражения своего отношения к России и русским. Не случайно и показательно, что собственно “литературные биографии” в книге уступают по объёму размышлениям Пьецуха о жизни.

Казалось бы, у него, историка по образованию, “нелитературная” часть каждого эссе должна быть содержательнее, профессиональнее, наконец, умнее “литературной” части. Однако Пьецух-историк равен Пьецуху-литератору. . .

Представление о “Русской теме” будет неполным, если не сказать, что далеко не все писатели вызывают у автора неприязнь. Единомышленниками, союзниками Пьецуха по его воле – обоснованно, а чаще всего необоснованно – являются В. Белинский (“Вечный Виссарион”), А. Герцен (“Былое и думы”), Н. Лесков (“Наваждение”), А. Чехов (“Уважаемый Антон Павлович!”), И. Бабель (“Всем правдам правда”), М. Зощенко (“Курская аномалия”). Уровень суждений о личностях и творчестве названных авторов ничем не отличается от уровня литературных биографий писателей, о которых уже шла речь. Например, с Виссарионом Белинским Пьецух солидарен практически во всем. В том числе явно греет его следующая мысль критика: “. . . Творчество есть удел немногих избранных”.

Нет сомнений, что к избранным Пьецух относит и себя. Показательно, как в главе “Вечный Виссарион” Пьецух в присущей ему манере ветхозаветного пророка вещает: “Если бы мы читали Белинского, у нас вряд ли затеяли спор о том, хорошо делают те писатели, которые строят свои тексты на основе синтаксиса районного значения, или нехорошо? < . . . > Потому что захолустный вокабуляр создает не народность, а простонародность, и всякими “кабыть” и “мабуть” читателя за нос не проведёшь, потому что литература – это не этнография, а литература”.

Во-первых, “кабыть” и “мабуть” – это не синтаксис, а лексика, что должно быть известно самому посредственному ученику. Районного же синтаксиса нет и быть не может по определению.

Во-вторых, простонародность, по Белинскому, создает не “захолустный вокабуляр”, а изображение жизни “черни”, социальных низов, о чём критик говорит в известной статье “Сочинения Александра Пушкина”, и не только в ней. Пьецуху вместо того, чтобы фантазировать на пустом месте, не мешало бы перечитать Белинского.

Очевидно и другое: у писателя Пьецуха серьёзные проблемы с русским языком, о чем свидетельствуют следующие цитаты из “Русской темы”: “очень невысокого роста”, “прямо дворянских поступков Есенин не совершал”, “на-лаживая спасательные дорожки”, “огромное большинство стихотворений”, “страна-то его породила отъявленная”, “снесёмся со случайно подвернувшимся историческим примером” и т. д.

Ещё одна отличительная особенность книги Пьецуха – многочисленные тёмные места, когда писатель выражается столь туманно или “неординарно”, что приходится гадать и о смысле, и о том, чем “затемнённость” вызвана: проблемами с русским языком или с логикой мышления. Вот, скажем, об отце Белинского в главе “Вечный Виссарион” сказано, что он, “хотя и попивал, но не ходил в церковь и читал Вольтера”. То есть синтаксическая конструкция предложения и его смысл позволяет говорить о следующем огороднио-киевскодядьковском открытии писателя: выпивающий человек ходит в церковь и не читает Вольтера.

“Русская тема” Пьецуха отличается от многих других плохих книг не просто редчайшим непрофессионализмом и наплевательским отношением к читателю, но и тем, что в своем мовизме-плохизме автор близок к совершенству или периодически его достигает. Например, в главе “Колобок” Пьецух утверждает: “. . . Мы тысячелетия живем бок о бок с норвежцами на задворках Европы, прямо в одних и тех же геополитических условиях”.

Мягко выражаясь, гипергипербола о тысячелетиях кажется верхом точности на фоне “одних и тех же геополитических условий” двух стран. . .

В. Пьецух очень часто и с явным удовольствием пишет в своей книге о русских дураках, но, читая “Русскую тему”, поневоле вспомнишь ещё одного русского классика: “Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?”